

Ю.Н.Давыдов

М.Вебер и проблема интерпретации рациональности

//Вопросы социологии, выпуск 6, 1996, с.71-77.

Проблема интерпретации рациональности, предложенная для обсуждения А. Г. Здравомысловым, имеет принципиальное значение для понимания природы социологической теории. Сама постановка этой проблемы и ее обсуждение представляет собой выход за пределы чистого эмпиризма, рассмотрения социологии в качестве совокупности фактов, а социологического исследования в качестве способа собирания эмпирических данных. Во всяком исследовании должно присутствовать некоторое теоретическое содержание, так или иначе связанное с трактовкой рациональности.

При обсуждении проблемы рациональности мы, естественно, сталкиваемся с многозначностью этого понятия. С одной стороны, рациональность рассматривается в качестве методологического инструмента анализа, с другой, она выступает и как предмет анализа. Третий аспект проблемы состоит в том, что рациональность выступает в качестве ценности. Эти три разных определения и контекста рассмотрения проблемы влекут за собой как минимум три понимания рациональности.

В этой связи необходимо напомнить о контексте, в каком вводил понятие рациональности сам М. Вебер. Как это ни парадоксально, если иметь в виду наше обсуждение, М. Вебер стремился ввести понятие рациональности как ценностно нейтральное понятие, работая с которым, социология не переставала бы быть наукой. Не становилась бы совокупностью "хорошестей" или набором оценочных суждений, превращающих науку в лучшем случае в метафизику, и в худшем — в идеологию.

Время деятельности Вебера — особый период в развитии немецкой мысли. Это период, когда было введено понятие рациональности, которое призвано было заменить гегелевское понятие "Разума" с большой буквы. Произошла, если угодно, замена "Божественного разума" на разум человеческий, сведенный к простой способности индивида поступать целесообразно, пребывая в здравом уме и твердой памяти. И это надо особенно отчетливо себе представлять, когда мы говорим о рациональности как ценности. Понятие рациональности вышло на передний план, по выражению М. Хоркхаймера, в эпоху "помрачения разума". И вот для того, чтобы спасти "сухой остаток", сохранившийся после далеко зашедшей позитивистской секуляризации "Разума", Вебер и предлагает "ценностно нейтральное" понятие рациональности.

Это был конец просветительски обожествленного разума. Того самого прогрессирующего разума, который, по Гегелю, толкает в спину человека, хитроумно ведя его "куда следует". У Маркса он берет этого же человека за шиворот и тащит его "куда надо". В результате происходит тоже самое: прогресс Разума ведет человечество прямехонько к "Социократии" (идеал О. Конта). Везде один и тот же тип прогрессистского сознания, где разум действительно фигурировал как высшая ценность. Его ли прославлять нам сегодня?

Что же касается М. Вебера, то он стремился, прежде всего (и в этом его решающее отличие от Хабермаса) сделать необходимые выводы из неизбежного, по его мнению, процесса секуляризации Разума. Прогресс рациональности заменивший доминирование Разума не обещает человеку, по Веберу, ничего "хорошего", то есть "ценного". Единственное, что он обещает с несомненностью — это универсальную рационализацию, предполагающую, между прочим, и тенденцию к "универсальной бюрократизации". И единственное, что еще остается людям, так это — по возможности ограничивать этот процесс. Ограничить рациональность, чтобы оставить место для свободы.

Отсюда и веберовская типология человеческих действий (поведения). Если рассматривать последовательность предложенных в ней типов возрастающей (или убывающей, если изменить их порядок) рациональности. Но ясно одно — все эти типы социального действия людей для Вебера в принципе одинаково необходимы, и в этом смысле одинаково "ценны". В реальности между ними идет непрерывная "война",

аналогичная той "войне богов", которую ведут между собой сами ценности, воплощаемые в социальной жизни различными типами человеческого поведения и их каждый раз исторически конкретной "конstellацией". Целерациональный тип действия, наиболее адекватно воплощающий, согласно Веберу, именно рациональную ("чисто целесообразную") мотивацию человеческих действий, — это ведь лишь один из четырех типов социально значимого поведения людей. Остальные — более или менее нерациональны. Таким образом, идея Парето о конечной иррациональности мотивации поведения оказывается "снятой" в веберовской типологии (хотя, конечно же, не на диалектический манер). И также, как и у Парето, социология представляет в глазах Вебера, как научное (то есть, рациональное) объяснение (и толкование) иррационального — по преимуществу — поведения людей, хотя и поступающих в здравом уме и твердой памяти, а потому "вменяемых" как в этическом, так и в юридическом смысле.

Само же понятие рациональности выступает здесь не в субстанционалистском понимании. Речь идет о предельной целесообразности, максимальном соответствии целей и средств их достижения в любой из сфер человеческой деятельности — теоретической или практической, хозяйственной или научной, политической или правовой. Это тоже своего рода идеальный тип.

А что такое (по Веберу) идеальный тип? Это мысленная конструкция. Вебер не "извлекает понятия рациональности из самой жизни". Он его конструирует. "Конструирует" (так он вообще любил говорить, характеризуя понятие идеального типа) как своего рода утопию, как заострение некоторых черт человеческого поведения, сведенных воедино. И что здесь самое важное — Вебер конструирует это понятие всегo-навсего как инструмент, средство познания, в том числе познания самой этой рациональности. Для чего же? А для того, чтобы сквозь это понятие, как сквозь увеличительное стекло, вглядываться в действительность, выясняя, приближается ли исследуемый нами способ теоретического или практического поведения людей к этому его "идеальному типу" или же наоборот, "удаляется". Не торопясь при этом с оценкой, хорошо это или плохо. Ведь "идеальность" идеального типа вовсе не тождественна у Вебера с его "хорошестью", "идеальный" — значит здесь предельно тождественный самому себе, своей собственной сущности.

Не случайно таким сложным и непредсказуемым для некоторых социологов оказался "феномен Жириновского" 1993 года. С одной стороны, нельзя не признать известной рациональности его поведения. Хотя бы уже потому, что оно со всей его "алогичностью" и апелляцией к "массовым предрассудкам" оказывается гораздо более эффективным, чем поведение сугубо "рационалистически" настроенных соперников этого политика по предвыборной борьбе. А кроме того, как сказал один из шекспировских персонажей (Полоний в "Гамлете"): "Даже если это и безумие, то в нем есть система". А система — это тоже нечто рациональное.

А с другой стороны, отождествлять рациональность с разумностью мы так привыкли ("рационально — значит хорошо"), что тут же осекаемся: "как так — "рационально", если бесстыдно, бессовестно, а подчас просто по-дурацки?" Вот на таких-то примерах мы и учимся понимать, что такое рациональность в веберовском ценностно-нейтральном смысле. Это как нож, которым режут хлеб, но могут ведь и убить человека. И чем ближе нож к своему "идеальному типу", тем легче сделать с его помощью как то, так и другое.

Но чем ценностно "нейтральнее" эта рациональность, тем большая нагрузка ложится на рационально действующего человека, понявшего, что сама по себе она вовсе не обязательно ведет к добру. Ибо добро — не в ней (в отличие от того, что думали и писали и Гегель, и Конт, и Маркс), а в самом человеке с его (свободно избираемой!) системой ценностей.

Как видим, "система отсчета" М. Вебера была существенно иной, чем та, которую мы подчас норовим приписать ему, когда обсуждаем социологически

операционализированное (и соответственно "нейтрализованное") им понятие рациональности.

Вебер пытался сохранить социологию как науку в ситуации, когда прежняя "система отсчета", покоившаяся на идеях просветительски толкуемого разума и прогресса, потерпела крах и под угрозой оказался сам принцип рациональной научности, нуждавшийся в новом обосновании. Эту задачу и пытался решить М. Вебер, ограничивая в кантовском духе притязания Разума. Однако в отличие от Канта, делая это не для того, чтобы освободить место для веры. Но для того, чтобы спасти остатки разумности в условиях безверия, секуляризации, или, пользуясь веберовской терминологией, "разволшебствления" мира.

Для того, чтобы представить себе размеры опасности, угрожавшей остаткам человеческой разумности, вспомним З. Фрейда, который также (хотя и с совсем иных позиций, чем Вебер) полемически противопоставлял Разуму "рациональность" или "рационализацию". Что она означает у З. Фрейда? Это рациональное объяснение (точнее, оправдание) таких моих поступков, которые в общем-то имеют совершенно иррациональную основу, а потому — в принципе — не имеют никакого отношения к разумности. Но поскольку человек все-таки живет во власти этой идеи, и у него сохраняется привычка как-то все объяснять, прибегая к рациональным доводам, он и не успокаивается, пока их не отыщет. Такова у Фрейда рационализация по сути дела. Как видим, Фрейд заходит гораздо дальше в ограничении разумности, чем Вебер. Последний помещает ее в формально-рациональные рамки, отстаивая ее "ценностную нейтральность", тогда как Фрейд (а затем и неофрейдисты и фрейдомарксисты) прямо-таки разоблачают ее как "ложное сознание".

Социология XX века все время колеблется между этими двумя понятиями рационализации. Иногда они как бы сливаются, как у франкфуртских неомарксистов. Кстати, Хабермас весьма часто злоупотребляет таким квазислиянием. Однако у Вебера в сравнении с Хабермасом совсем иная система отсчета. У него нет никакой эволюционистской схемы, растянутой между двумя полюсами: вот это — высшее, ибо рациональное, а это — низшее, ибо неразумное. Для Вебера "неразумное" поведение Лютера, как и поведение Иисуса Христа, вполне разумно с точки зрения исповедуемой ими этики убеждения: "На том стою и не могу иначе" ибо то, на чем стою, — самое высокое, а значит и истинное. Такова высшая разумность для каждого верующего. Но что делать людям, которые, подобно Веберу, считают себя "религиозно немзыкальными"? Остается вера в науку, которая свидетельствует об истине, не совпадающей с благом ("добру и злу внимает равнодушно"), — и тем не менее не стоит "по ту сторону добра и зла".

Вебер считает, что без рациональности не обходится ни одна форма сознания, в том числе религия. Рациональной может быть даже мистика. Поэтому в рамках его концепции своеобразно рассматривается и проблема "цены" рационального поведения. Он эту проблему рассматривает не абстрактно, а в контексте того типа общества и того типа хозяйства, которые он анализирует. А анализировал он капиталистическое общество и хозяйство. Особенность капиталистического общества западного типа он связывает именно сего рациональностью, но не с рациональностью вообще. Особенность же западного типа рациональности заключается в ее тотальности. Капитализм — это не только рациональное хозяйство, но и рациональное право, без которого не может быть рационального хозяйства. Это рациональный рынок, без которого не может быть ни рационального хозяйства, ни рационального права. Это и рациональная техника, предельно рациональная наука, а через нее и рационализированная культура. Кстати, вряд ли мы можем сказать, что мы имеем сейчас в наличии все эти компоненты, когда говорим о капиталистическом обществе у нас, или о построении гражданского общества. Поэтому-то мы и получаем пока что нечто совсем другое: иррациональный (архаический, по терминологии Вебера) тип капитализма: торгово-авантюрный, паразитический, но никак

не рационально-продуктивный. Архаический- с соответствующей ему "инфраструктурой": базаром (вместо рынка) и кулачным правом.